

УДК 94(470)+94(574)

ББК 63.3(2)5+63.521(632.4)

**Институт ханской власти у казахских родов
в оценках отечественных ученых и чиновников
(XVIII — начало XIX в.)***

О.Е. Гундова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**The Institution of Khan's Power of Kazakh Tribes
in the Assessments of Russian Scientists and Officials
(18th — Early 19th Centuries)**

O.E. Gundova

Altai State University (Barnaul, Russia)

На основании опубликованных научных трудов и делопроизводственных документов рассматриваются вопросы освещения отечественными учеными и чиновниками XVIII — начала XIX в. ханской власти в казахском обществе. Актуальность работы обусловлена слабой изученностью оценок данного института современниками в процессе его постепенной трансформации имперскими властями. Потребность в сборе сведений о политических институтах казахского общества была обусловлена необходимостью интеграции казахских жузов в общеимперское пространство. В результате исследования выявлено, что оценка ханской власти российскими властями и научным сообществом включала в себя три главных составляющих. Первая — выборность ханов, которая рассматривалась наблюдателями как неотъемлемый элемент института ханской власти и легитимизовала власть хана в обществе. Вторая — прямая зависимость объема власти хана от его личного авторитета среди подданных, не обладающий авторитетом правитель не пользовался поддержкой в обществе. Третья — восприятие ханской власти как слабой и ограниченной родовой знатью. Оценки современников о политических институтах казахского общества в XVIII — начале XIX в. не всегда соответствовали действительности, собранные сведения были утилитарными и дискретными.

Ключевые слова: казахская степь, образ казахов, ханская власть, традиционные институты казахов, присоединение Казахстана к Российской империи, политика Российской империи в Казахстане, русско-казахские отношения.

On the basis of published scientific works and office-work documents, the issues of coverage of the khan power in Kazakh society by Russian scientists and officials of the 18th — early 19th centuries are considered. The relevance of the work is due to the poor study of assessments of this institution by contemporaries in the process of its gradual transformation by the imperial authorities. The need to collect information about the political institutions of Kazakh society was due to the need to integrate the Kazakh zhuzs into the general imperial space. As a result of the study, it was revealed that the assessment by Russian by the Russian authorities and the scientific community of the khan's power included three main components. The first is the election of the khans, which was viewed by observers as an integral element of the institution of the khan's power and legitimized the khan's power in society. The second is the direct dependence of the amount of power of the khan on his personal authority among his subjects, without which the ruler did not enjoy support in society. The third is the perception of the khan's power as a weak and limited to the clan nobility. In the 18th and early 19th centuries the assessments of the institution under consideration by Russian researchers did not always correspond to reality; the collected information was utilitarian and discrete.

Key words: the Kazakh steppe, image of Kazakhs, Khan's power, traditional institutions of Kazakhs, Kazakhstan's accession to the Russian Empire, policy of the Russian Empire in Kazakhstan, Russian-Kazakh relations.

DOI: 10.14258/izvasu(2021)2-02

* Работа выполнена в рамках реализации гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2693.2020.6 проект «Государственное регулирование социальных процессов в центральном азиатском регионе России имперского и советского периодов»).

В современной историографии политики Российской империи по инкорпорации казахских жузов в ее состав насчитывается множество работ, посвященных административным преобразованиям, в частности, ликвидации института ханской власти и, как следствие, политической автономии казахского народа [1–5]. Однако восприятие и оценки ханской власти у казахов в российском обществе XVIII — начала XIX в. практически не освещены: данная проблема была частично затронута лишь в нескольких работах [2; 6–8]. Источниковую базу статьи составили опубликованные научные труды и изданные в виде сборников делопроизводительные документы (записки, донесения, проекты, письма и др.). Использованные материалы ранее уже были введены в научный оборот, однако, на наш взгляд, их достаточно для выявления основных черт образа казахской ханской власти в восприятии отечественными учеными и чиновниками. Для более детального раскрытия темы в перспективе необходимо привлечение архивных документов. Разработка проблемы осуществлялась на основе принципов историзма и объективности с использованием историко-генетического и историко-системного методов исследования. Хронологические рамки статьи охватывают период с 1730-х по 1820-е гг., в течение которого институт ханской власти существовал как часть имперской системы государственного управления в казахских жузах и был непосредственно наблюдаем отечественными учеными и чиновниками.

До 1730-х гг., когда началось включение казахской степи в состав империи, уровень осведомленности о казахском народе в России был крайне низким. Никаких точных сведений об общественном устройстве и внутривнутриполитической жизни казахов, следовательно, и представлений об особенностях института ханской власти в казахском обществе у российских властей не появилось до известной поездки А.И. Тевкелева в ставку хана Абулхаира в 1731 г. [9, с. 5–6, 11]. Включение казахских жузов в состав Российской империи с сохранением их традиционных политических институтов вызывало необходимость изучения ханской власти в целях организации управления новыми территориями.

Согласно свидетельствам отечественных ученых и чиновников, казахский народ подразделялся на три политических объединения — жуза: Старший, Средний и Младший (Большая, Средняя и Малая, или Меньшая, орды). Во главе каждого из них стоял хан, избираемый из султанов-чингизидов, звание хана не являлось наследственным, а могло быть приобретено лишь в результате официального акта избрания [9, с. 58]. Процедура выборов казахского хана, зафиксированная очевидцами, достаточно подробно проанализирована в работах Ж.С. Мажи-

товой [8] и Т.Т. Далаевой [10], поэтому мы не будем воспроизводить ее описание. Отметим лишь, что только избрание хана подтверждало его легитимность в глазах казахского общества. Именно поэтому, когда после смерти хана Абулхаира в 1748 г. встал вопрос о преемнике, оренбургский губернатор И.И. Неплюев настоятельно рекомендовал центральным властям учитывать традицию выборов хана: «ханы бывают у них не по наследству, но по народному избранию. И тако, ежели со стороны е.и.в. в то, чтоб ханы их были наследственные вступиться, а их киргиз-кайсацкие (казахские. — О.Г.) старшины и народ того не похотят и не примут, то принуждать их к тому неудобно, а начав оное, иногда и без предосуждения быть может» [11, с. 394–395].

Рекомендации Неплюева были учтены имперскими властями, и институт выборов хана был сохранен, однако в измененном виде — теперь кандидатура хана согласовывалась с российской стороной, число участников выборов сократилось до нескольких наиболее лояльных старшин [12, с. 269–270], утверждение подкрепляется специальным документом — патентом на ханское достоинство со стороны российского монарха [11, с. 409–410, 444–447]. В последующие годы процедуры избрания и утверждения ханов упрощались, теряли сакральный смысл и превратились в церемонию назначения на должность. Сенатским указом от 9 ноября 1792 г. № 17080 «О обрядах выбора и утверждения Киргиз-Кайсацких Ханов в их достоинстве» регламентировались процедуры избрания и утверждения в ханском достоинстве, которые теперь исключали традиционные казахские элементы (поднятие хана на кошме) и включали новые имперские: зачитывание патента на ханствование, подписание присяги на верность, сопровождение пальбой из пушек и через два дня переговоры и бал в доме главного начальника края. В связи с увольнением хана Айчувака и назначением на его место его сына, султана Жанторе, в 1805 г. российскими властями были внесены дальнейшие изменения в процедуру выбора в ханы: две процедуры избрания и утверждения в ханском достоинстве теперь совмещались в одно собрание [10, с. 18–22].

У отечественных ученых и чиновников не сложилось единого и отчетливого представления относительно полномочий казахского хана, следовательно, природы казахской государственности. Например, П.И. Рычков сводил компетенции хана к функции военного полководца и регулированию отношений с внешними силами, судебному арбитражу. Относительно государственного устройства казахов он писал следующее: «Что надлежит до народного правления в обоих тех ордах, то оное между известными ныне формами правления ни с какою точно сравнить не можно. Может оно названо

быть родовым или семейным (и так похожим несколько на демократию)» [13, с. 198–199, 202]. Е.К. Мейендорф также отмечал демократические черты в общественном устройстве казахов: «Власть хана покоится на общем признании: если уж он его приобрел, то может править деспотически, однако лишь тогда, когда он действует в интересах народа. Таким образом, это общественное мнение ограничивает его власть». Полномочия хана автор обозначил весьма расплывчато — он «фактически распоряжается жизнью и смертью киргизов (казахов. — О.Г.)» [14, с. 41–42].

По мнению Я.П. Гавердовского, «собственное правление в киргизских (казахских. — О.Г.) ордах можно было бы причислить к феодальному, если бы не затмевалось оно ныне правом сильного» [15, с. 430]. А.И. Левшин, сравнивая политическое устройство современных ему европейских обществ с казахским, пришел в выводу, что «непрочность властей, у киргизов (казахов. — О.Г.) существующих, неопределимость оных, слабость, свобода переходить из-под одной к другой, отсутствие законов, ненаказанность преступлений очень близки к тому понятию, которое обыкновенно разумеется под словом «анархия». И по сей-то причине народ киргиз-казачий (казахский. — О.Г.) не имеет ныне самостоятельного политического бытия» [16, с. 360–361].

Если знания отечественных ученых и чиновников о функциях и природе института ханской власти в казахском обществе носили дискретный характер, то практически все наблюдатели отмечали, что власть казахского хана основывалась на его личном авторитете, харизме. К примеру, П.И. Рычков писал, что хан, «которой хитр, смел и храбр в военных их делах, у того они (казахи. — О.Г.) больше держатся, почитают и уважают его, и куда б он ни похотел, многих последователей себе находит <...> А буде такой же народом избранной и произведенной хан и салтан случится быть нраву скромного и тихого, и ни с какой стороны не имеет себе подкрепления, покидает его народ и пристает к другим салтанам» [13, с. 199]. Распространению подобных представлений о ханской власти среди отечественных ученых и чиновников, на наш взгляд, способствовала политическая ситуация, сложившаяся в казахских жузах в XVIII — начале XIX в. Так, например, представитель младшей, не самой знатной ветви потомков хана Джанибека Абулхаир (1710–1748) пришел к власти исключительно благодаря своим выдающимся личным качествам. В условиях быстро нарастающей военной конфронтации казахов с джунгарами, волжскими калмыками, башкирами и яицкими казаками решающим фактором при выборе хана стал полководческий талант. Потомки Абулхаир-хана, оказавшиеся на ханском

престоле при поддержке российского правительства, не обладали талантами и авторитетом своего предка и не имели влияния в казахском обществе. Хан Шергазы (1812–1824), внук Абулхаира, не откочевывал от пограничной линии, опасаясь подвергнуться нападениям своих подданных [1, с. 160; 17, с. 22]. Наблюдатели фиксировали ограниченный характер ханской власти, ее слабость, незначительную роль правителя по сравнению с родоначальниками родов и отделений. Так, по мнению И.Г. Георги, «хану оказывается честь и повиновение больше по старшинам, которые бывают отчасти его братья, салтаны, дядья или их друзья» [18, с. 233]. А.И. Левшин считал, что «повинуются им (утвержденным российским правительством ханам. — О.Г.) только роды, участвовавшие в избрании их и кочующие близ границ наших, и то не все. Прочие, не признавая ни владычества России, ни властей ею поставляемых, управляют самопроизвольно избранными старейшинами (аксакалами), биями, батырами и султанами» [16, с. 364].

Складывание в российском обществе образа ханской власти как слабой, лишенной авторитета у народа, приводило российских чиновников к мысли о пересмотре роли хана в имперской системе управления казахским этнорегионом. Начиная с 80-х гг. XVIII в. стали появляться проекты, предусматривавшие создание новой системы управления в казахских жузах. В 1788 г. полковник Д.А. Гранкин представил президенту Военной коллегии князю Г.А. Потемкину проект нового административного устройства в Младшем жузе. Он предусматривал ликвидацию института ханской власти и создание четырех территориальных единиц, управление которыми должны осуществлять султаны при поддержке родовой знати. Возможность исключения хана из новой системы управления автор проекта аргументировал следующим образом: «Хан (Нуралы. — О.Г.), ныне находящейся в Уфе, весьма древен в старости, так что он не желает и сам быть ханом. И ежели ему только предположить, что дан будет пенсия и отпустят его в свое жилище, то он неотменно склонится послать от себя к народу письмо со увещанием таковым, дабы у них уже его, хана, не было и они бы о том не думали, а повиновались бы законом е.и.в.» [19, с. 129–130]. Следовательно, Гранкин предполагал, что авторитет института ханской власти ослаб настолько, что казахское общество может от него отказаться.

Более взвешенной представляется позиция оренбургского генерал-губернатора О.А. Игельстрома, предлагавшего не ликвидировать ханскую власть совсем, а лишь ограничить ее: «отложившиеся от хана старшины и народ не все единогласно желают быть совсем без хана, но клонится их желание более к тому, чтобы не иметь только нынешнего, а впредь

выбирать такого, который бы в Орде еще менее теперешнего власти имел по особе своей. ... Имеют (казахи. — *О.Г.*) желание учредить при нем (хан. — *О.Г.*) из лучших старшин трех начальников родов совет» [3, с. 57]. Проект генерал-майора Я.В. Боувера (1795) также не предусматривал упразднение ханской власти, а лишь расширение представительства казахской родовой знати в управлении Средним жузом путем создания при хане Вали совета старшин. Необходимость привлечения к управлению представителей кара-суек автор объяснял тем, что воля уважаемых старшин «на протчий народ часто более имеет влияния, нежели самого владельца (хана. — *О.Г.*) намерения» [19, с. 143–146]. Лейтмотивом вышеназванных проектов, безусловно, была интеграция казахских жузов в имперскую систему административно-территориального управления. Однако все авторы отмечали слабость авторитета хана в казахском обществе, ограниченность его власти и влияния в сравнении с родовой знатью. Именно в период 80-х гг. XVIII в. произошла первая попытка российских властей ликвидировать ханскую власть. В 1820-х гг. на основе уже имеющегося опыта Россия совершила серию успешных мероприятий, в результате которых институт ханской власти был упразднен [3, с. 57–60].

Таким образом, отечественные ученые и чиновники при характеристике и оценке институ-

та ханской власти у казахов концентрировались на трех моментах: выборности ханов, их личном авторитете и авторитете ханской власти в обществе. Выборы степных правителей рассматривались наблюдателями как важная составляющая института ханской власти, которая легитимизовала власть хана в казахском обществе. По этой причине они пытались понять механизм функционирования этой процедуры, а также оценить потребность в ней со стороны России. Объем власти казахского хана, по мнению ученых и чиновников, был обусловлен личным авторитетом правителя. Именно харизма и полководческий талант гарантировали хану народную поддержку, не обладающий ими правитель не имел значительной власти в обществе, даже будучи избранным и утвержденным в ханском достоинстве. Сам институт ханской власти очевидцы единодушно считали слабым и ограниченным, отказывая казахскому народу в государственности. Оценки современников о политических институтах казахского общества в XVIII — начале XIX в. были не всегда адекватными, собранные сведения часто характеризовались утилитарностью и дискретностью. Тем не менее, большое количество накопленной информации позволило российским властям совершить серию успешных мероприятий по трансформации, а затем и упразднению ханской власти.

Библиографический список

1. История Казахстана: народы и культуры. Алматы, 2000.
2. Быков А.Ю. Ханская власть у казахов: звание и/или должность // Этнографическое обозрение. 2006. №3.
3. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.). Барнаул, 2014.
4. Избасарова Г.Б. Казахская степь Оренбургского ведомства в имперских проектах и практиках первой половины XIX века. М., 2018.
5. Васильев Д.В. Рождение империи. Юго-восток России: XVIII — первая половина XIX в. СПб., 2020.
6. Бижанов М.К. Казахстан второй четверти XVIII века в трудах и записках русских исследователей : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1968.
7. Моисеев В.А. Русские ученые и путешественники XVIII — начала XIX в. о государственности и ханской власти у казахов // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Новосибирск, 1999. Ч. II.
8. Мажитова Ж.С. Место и роль биев в системе ханской власти в оценках российских исследователей (XVIII — первая половина XIX в.) // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Серия: История. 2014. Т. 4, № 3.
9. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. III: Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759). Алматы, 2005.
10. Далаева Т.Т. Ритуал возведения в ханское достоинство: проблемы трансформации формы и содержания // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия: Исторические и социально-политические науки. 2011. № 2.
11. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках: (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961.
12. Материалы по истории Казахской ССР. 1741–1751. Алма-Ата, 1948. Т. II, ч. 2.
13. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Первые историко-этнографические описания казахских земель. XVIII в. Алматы, 2007.
14. Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975.
15. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Первые историко-этнографические описания

казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы, 2007.

16. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996.

17. Перфильев А.Л. Межродовые конфликты казахов и их урегулирование: 80-е гг. XVIII в. — 60-е гг. XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011.

18. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 2007.

19. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). Алма-Ата, 1964.